

Культура современных студентов: ведущие смыслы политического мифа

Статья посвящена проблеме формирования смыслов политического мифа в современной молодежной культуре на материале эмпирического исследования региональной студенческой культуры вузов города Красноярск. Отправной точкой исследования является факт современного перехода активизма молодежи из области политики в область культурных практик. Авторы проверяют гипотезу базовой роли характеристик современной молодежной культуры и дискретных социокультурных смыслов в политических смысловых конструктах студенчества. Таким образом, особенности политического мифа регионального студенчества рассматриваются в статье через призму культурологического анализа. Статья обосновывает культурный «фундамент» основных политических образов и смыслов студенчества; причем в региональной студенческой культуре обнаруживаются и фрагменты традиционных российских мифологем, и смысловые заимствования из западных культурно-идеологических конструктов, и инновационные аспекты, диктуемые новой технологической реальностью.

Ключевые слова: молодежная культура, студенческая культура, политический миф, культурные практики, мифотворчество, новая технологическая реальность, молодежный дискурс

Olga A. Karlova, Oleg V. Myasoutov

Culture of modern students: the leading meanings of the political myth

The article is devoted to the problem of forming the meanings of political myth in modern youth culture based on an empirical study of the regional student culture of Krasnoyarsk universities. The starting point of the research is the fact of the modern transition of youth activism from the field of politics to the field of cultural practices. The authors test the hypothesis of the basic role of characteristics of modern youth culture and discrete socio-cultural meanings in the political semantic constructs of students. Thus, the features of the political myth of regional students are considered in the article through the prism of cultural analysis. The article substantiates the cultural «foundation» of the main political images and meanings of students; moreover, the regional student culture reveals fragments of traditional Russian mythologies, semantic borrowings from western cultural and ideological constructs, and innovative aspects dictated by the new technological reality.

Keyword: youth culture, student culture, political myth, cultural practices, mythmaking, new technological reality, youth discourse

DOI 10.30725/2619-0303-2020-2-132-139

Научная проблема и дискуссии о молодежной культуре

Молодежь в сегодняшнем мире является важнейшим объектом политической манипуляции и во внутригосударственных идеологических баталиях, и в той информационной войне, которая масштабно ведется на международном уровне. Причины такого направленного внимания во многом кроются в феномене молодежной культуры, который в российской научной традиции последнего времени оказался недооцененным. Это отмечает в своих работах Е. Л. Омельченко, указывая на игнорирование научным сообществом того важного факта, что за последние десятилетия молодежный активизм перешел в основном из пространства политики в пространство культуры [1]. Между тем К. С. Курганский полагает, что понятие «молодежная культура», вопреки расхожему мнению, не поглощается понятиями «молодежная субкультура» и «молодежная контркультура», а полноценно описывает деятель-

ность молодежи как субъекта культурного действия [2, с. 11–12]. Третий важнейший аспект молодежной культуры отмечает С. П. Цаплина, утверждая, что это культура не отдельной группы, а целого поколения. Более того, молодежные ценности в значительной степени детерминируют и детерминируются социокультурной динамикой и становятся источником более масштабных инноваций [3].

Трактуя столь расширенно и универсально контекст молодежной культуры, можно утверждать, что на сегодняшний день она приобрела качество активного мифологического смыслопорождения [4]. На базе бытующих в молодежной культуре ценностей и обрывков различных культурных мифов формируются новые (или обновленные) смысловые конструкты, которые помимо специальных характеристик (правовых, политических, социальных и др.) обладают базовым культурным содержанием, отражающим специфику молодежи как субъекта культурного действия.

Молодежный политический миф, как мы полагаем, в современном мире значительно оторвался от реального контекста политического знания и событийности, дрейфуя все дальше в «поле» молодежной культуры, в «виртуальную реальность», в молодежный дискурс. Однако несмотря на это, культурологический анализ содержания политического мифа в контексте молодежной культуры – большая редкость в современной науке. В числе таких единичных трудов – работы К. Ф. Завершинского [5] и В. Н. Стегния [6]. Ученые сходятся во мнении, что именно политическая мифология становится ведущей чертой политического мышления современного молодого человека, а пребывание его в сфере политических мифов – характерная особенность современной молодежной жизни. Политические реалии в таком мифе опосредованы культурной «сеткой ценностной размеренности» [7] молодежного мифотворчества, именно поэтому молодежь находит в нем «точку опоры» и обретает свою активную субъектность и политическую идентичность. Однако мифотворчество «без берегов» небезобидно, оно может привести молодых людей к потере реальной политической ориентации, к неразличению своих внутренних образов и реалий внешнего мира. Поэтому так важны именно культурологические исследования содержания молодежного политического мифа в целом и политического мифа в контексте студенческой культуры, в частности.

Проблематика студенческой культуры сегодня так же имеет выраженный дискуссионный дискурс: одни исследователи полагают ее частью молодежной культуры (субкультуры, контркультуры); другие настаивают на ее близости по роду деятельности, интересам и социальным ориентациям к культуре такого значительного общественного страта, как интеллигенция; третьи просто отказывают ей в относительно самостоятельном существовании. Рассматривая студенческую культуру в качестве устойчивого социокультурного феномена, мы полагаем, что именно существование в такой специфической «пограничности», именно «двойственность» ее демографических притязаний и интеллектуально-духовного поиска порождают ряд ее особенностей, важных для исследования молодежных культурных смыслов. Трудно спорить с тезисом В. К. Сергеева: «Предоставить молодежи высшее образование недостаточно, чтобы быть уверенным, что веками складывающаяся и оберегаемая предками многонациональная культура передастся в надежные, заботливые руки, которые сохранят и приумножат ее. Общество должно развивать в молодых людях не только интеллектуальные способности, но и высочайший уровень духовности» [8, с. 31–32]. Но при этом главной проблемой остается мониторинг молодежных культурных смыслов, изучение факторов, которые реально влияют и на уровень

духовности молодых людей, и на присвоение ими культурных традиций и идеалов общества. Среди таких факторов – образовательно-коммуникативный процесс в вузе, средства массовой коммуникации, семейные традиции, ценности молодежных групп, личные контакты и др. Так красноярские студенты в качестве основных источников информации о событиях в стране и мире назвали Интернет (67,3 %), телевидение (45,5 %), друзей/однокурсников (31,7 %), газеты/журналы (27,9 %), близких родственников (22,2 %), радио (15,6 %), иные источники (5 %), при этом ими особо отмечалась ведущая роль Интернета и телевидения в получении основной политической информации (Красноярск, февраль-март 2020 г.).

Внутри молодежной культуры идет активный процесс трансформации полученных извне образов и фактов в инварианты заимствуемых моделей и смыслов путем преобразования действительности с учетом новой технологической реальности. Сама эта новая «среда обитания» молодежных политических смыслов активно содействует такой трансформации: в виртуальной реальности смысловые конструкты распространяются существенно проще, практически не встречая сопротивления. Более того, в новой технологической реальности большой объем неконтролируемой информации способствует созданию «культурного хаоса, который размывает любую возможную культурную идентичность» [9, с. 420; 10], как и идентичность политическую. Наконец, важно эмпирически проверить, действительно ли в условиях новой технологической реальности затрудняется процесс самоидентификации молодых людей, а изменение привычной социокультурной картины ведет к более яркому выявлению ее политико-мифологических оснований.

Заметим, что продуктивному мифотворчеству способствует и отсутствие в современной России доминирующей политической идеологии. Конечно, на образ мыслей молодых людей оказывает некоторое влияние сформированное в последние годы смысловое ядро официальной политической информации – идеи патриотизма и защиты интересов Родины. Но каков этот фактор по силе влияния на молодежную культуру и какова вообще социокультурная динамика воздействия различных внешних факторов на молодежное смыслообразование, можно установить только в ходе эмпирических исследований. Так был сформирован круг следующих вопросов к социологическому исследованию в среде красноярского студенчества: каково содержание политического мифа в студенческой культуре? какие черты современной молодежной культуры и молодежные ценности детерминируют это содержание? как в молодежной культуре в контексте политического мифа происходит взаимодействие традиционных и

нетрадиционных (инновационных, инокультурных или виртуальных) социокультурных факторов и их последующая трансформация в молодежный дискурс? Нам показалось продуктивным также эмпирически проверить утверждение В. С. Полосина, высказанное им в конце XX в., о том, что приобретение молодежью субъектности в социокультурном процессе связано именно с восстановлением политической мифологии как одного из основных государствообразующих факторов, причем «основным методом национальной идентификации является обращение общественного сознания на национальный миф» [11, с. 83].

Опыт исследования смыслов политическо-го мифа в вузах Красноярска

Политический миф в культуре обладает качеством универсальности и достаточно сложной структурой [12]. При этом исторические периоды доминирования определенных политических смыслов (периоды содержательной стабильности мифа) в том или ином обществе рано или поздно сменяются периодами продуктивного мифотворчества. Целый ряд ученых специально подчеркивает тот факт, что трансформации в культуре особенно усиливаются на рубеже столетий. Что же касается рубежа третьего тысячелетия, который человечество преодолело не так давно, то следует говорить не просто об усилении изменений, а о более радикальном явлении – о смысловой турбулентности политического мифа в современной культуре.

В России в последние десятилетия массово производятся политические смыслы [13], как имеющие отношение к российским политическим традициям, так и обладающие достаточно новым для российского общества политическим содержанием. Последние, как мы увидим, характеризуют в первую очередь культуру современной молодежи. Как довольно устойчивая группа молодежи 18–24 лет студенты отличаются наиболее активным поиском смыслов в ходе освоения профессиональной культуры, в процессе социальной идентификации и взаимодействия с государством через институт образования. И, что не менее важно, этот социально активный в настоящее время страт молодежи в дальнейшем в значительной мере будет определять вектор культурного развития страны. Исходя из этого, мы привлекли для эмпирического исследования особенностей политического мифа в молодежной среде 100 студентов семи ведущих высших учебных заведений Красноярска (от 18 до 24 лет), отобранных методом случайной выборки. Исследование проводилось в феврале-марте 2020 г. с использованием комплекса диагностических методов: фокус-группа, групповое интервью, анкетирование, а также мониторинговый инструментарий, теоретически обоснованный и экспериментально подтвержденный методикой Л. Г. Бызова [14, с. 54–55].

Как и ожидалось, в ходе исследования в содержании политического мифа красноярских студентов обнаружилось как дискретные следы традиционных сакрализованных архетипов российской культуры разных исторических эпох, так и «клиповый набор» эмоциональных, чувственных представлений о политической действительности, как правило, замещающих и вытесняющих конкретное политическое знание. Культурный архетип «Родины» в красноярской региональной студенческой культуре оказался ожидаемо связан (как положительно, так и отрицательно) с особенностями российского менталитета. 33,8 % опрошенных студентов транслируют эмоционально-негативный образ России, аргументируемый низким уровнем жизни и недостаточной личной свободой. Казалось бы, речь идет о рационально-критическом анализе процессов общественной жизни и экономической ситуации. Однако фокус-группы показали, что образ «Свободы» у респондентов архетипически связан не только с представлениями об отсутствии угнетения, но и с желаемой индивидуальной независимостью от работы, семьи, государства, близкой российскому общинному архетипу «Воли». Как это принято в общинной жизни, и у современных студентов «стремление к воле» не означает готовность отказаться от помощи этих общественных институтов (общины, государства, семьи, рабочего коллектива) или освобождать их от ответственности за себя самих. Отвечая на вопросы, как они относятся к свободе, закону, частной собственности, студенты обнаружили характерное для молодежной культуры поверхностное и противоречиво-«гибридное» представление о либерально-демократических ценностях. Так две трети респондентов высказались за приоритет прав и свобод личности над интересами государства в желаемом «идеальном обществе» (т. е. за демократию); при этом более трети студентов считают, что в демократии больше недостатков, чем достоинств. И вообще понятие «демократия» вызывает позитивные эмоции только у половины респондентов.

Во второй группе опрошенных преобладают смыслы, отражающие любовь к Родине (14,7 %). Образ России как великой державы составляет основу отношения к Родине также у 14,7 % респондентов. Вторая и третья группа практически образуют еще одну треть респондентов, которые транслируют культурные архетипы такого традиционного национального мифа как великодержавно-патриотический. То, что это именно мифообраз, а не отрешенная личная позиция, доказывает такой факт в ходе «перекрестных» вопросов-ответов: эти же респонденты в списке характерных черт российской ментальности отвели патриотизму лишь последнее место.

В ответах еще 20,6 % студентов представления о России почти в равной степени содержат позитивные и негативные смыслы, о которых мы уже упоминали. И так, более 80 % опрошенных

студентов опираются в своем представлении о центральном образе политического мифа – образе Родины – на исторически сложившиеся культурные архетипы, оформленные в дискурсе молодежной культуры. Только около 14 % из числа опрошенных студентов продемонстрировали определенные навыки рефлексии: 7,4 % из них аргументировали различие своего отношения к Родине и отношения к государству, а 6,4 % интервьюируемых настаивали на уникальности России и ее отличии от других стран в связи с самобытностью российской национальной культуры.

Разумеется, можно сделать вывод, что «черные политические мифы о России» [15] активно бытуют в молодежной среде. С одной стороны, она впитала в себя немало национальных культурных архетипов и обнаруживает множественные следы фольклорных и литературных образов (мифологема о «дураках и дорогах», литературно-сатирические образы резонеров, чиновников и бюрократов дореволюционного и советского времени, нашедшие своих «двойников» в современных образах «депутата», «министра», «политика» и др.). С другой стороны, в политическом мифе молодежной культуры есть современные смысловые конструкты, заимствованные из западных идеологических источников, – о «непреодолимой отсталости» страны, неспособности «тоталитарной России» решать задачи развития; о «закрытости» России и ее «отверженности» западным «прогрессивным миром» и др. Устойчиво-образные «одежды» этих смысловых конструктов прямо адресуют нас к источникам направленной информации из «Всемирной паутины». Так в качестве угрозы стране 56 % молодых людей называют российские имперские амбиции. Среди причин фигурирует «напряжение со стороны России в отношениях с другими странами» и, как следствие, ограничения в экономике. При этом 45 % респондентов назвали угрозой международный терроризм, о котором сегодня в официальных источниках говорится мало, а в 10 % случаев в качестве угрозы для России вообще назван Китай, что означает либо реальную обеспокоенность стремительным и безудержным его развитием и высокой плотностью населения, либо опять же идеологическую кальку с американских политических мифов (социологические замеры проводились до возникновения эпидемии коронавируса в Китае). Заметим, что транслируемые с Запада в ходе информационной войны «отрицательные знаки» – тоталитаризм, закрытость, отверженность, терроризм – взяты именно из молодежного дискурса, т. е. молодежных ценностей и «бинарной знаковой системы» описания мира (тоталитаризм-демократия, открытость-закрытость, успешность-отверженность, защищенность-террор). В то же время на дискуссионных площадках российских

телеканалов молодежный дискурс, как правило, отсутствует, что, на наш взгляд, является одной из причин недоверия студентов к российским информационным источникам и оценкам старшего поколения. Так несмотря на в основном убедительную для россиян информационную картину международного противостояния США (Западный мир) – Россия, образ Соединенных Штатов Америки как «стратегического врага» в молодежной среде имеет только единичное бытование.

Особенность молодежного дискурса сегодня, помимо «бинарной системы» описания мира и специфики ценностей, состоит в выраженной эмоциональной «окраске» коммуникации, оригинальности и ассоциативности суждений, при этом алогизм если не приветствуется, то, как минимум, игнорируется. Как известно, мифологический генетизм плодотворно уравнивает самые различные понятия по признаку нахождения рядом или отдаленных ассоциаций [16]. В полном соответствии с принципами культурно-мифологического генетизма, студенты, давая ментальные характеристики российскому народу, называют открытость в общении, гостеприимство и доброту и в то же время конфликтность, недоверчивость и закрытость. Некоторые приписывают россиянам одновременно смекалку, ум и недостаток умственного развития или образования; упорство в труде и лень. О рефлексии этих черт национального характера в молодежном сознании речи нет: мало кто из студентов грамотно различает понятия разума, интеллекта, образования, профессиональной компетентности, социального лифта, карьеры; мало кто осознает, что привычка россиянина ругать власть есть неотъемлемая «оборотная сторона» патернализма. Точно так же мало кто из студентов понимает, что наша «неулыбчивость» связана с конкретной социально-коммуникативной нагрузкой улыбки в сложившейся общественной практике. В отличие от Америки, где натренированная открытая улыбка – маркер материального благополучия и психологического здоровья (как говорят, «только бизнес, ничего личного»), в России она исторически означала (и до сих пор означает) действительно позитивные чувства, испытываемые к партнеру по диалогу, т. е. исключительное «личное» (см. также фольклорный фразеологизм: «смех без причины – признак дурачины»). Но «западный» дрейф намечился: так селфи, ставшие неотъемлемой частью молодежной культуры в России, предполагают, по большей части, «западную маркировку» демонстрируемых улыбок и сбора «лайков» на них как средства самоидентификации в оппозиции «успешный-отверженный».

Указанные выше студенческие «не-знания» и «не-размышления» – во многом следствие неактуального содержания политологических, философских и культурологических вузовских курсов, не за-

трагивающих личный опыт и молодежный дискурс; впрочем, это не меньшее следствие и дефицита (при отсутствии времени или присутствии боязни) внеучебных коммуникаций между преподавателями и студентами. И эти нарастающие дефициты постепенно трансформируются в опасный показатель низкого уровня межкультурных коммуникаций разных поколений российского общества.

Максимально «окультуренными» оказались и ответы студентов на вопрос об оппозиции «свой-чужой» («мы-они»), в которых актуальная политическая повестка ушла на второй план или просто не учитывалась. Респонденты высказали свои представления о типичном россияnine. Это русский, но не в этническом, а именно в культурно-цивилизационном смысле: он – носитель русского языка и русской культуры независимо от этнической принадлежности. Образ «другого» в красноярской региональной студенческой культуре выражен более «пестро» и по этно-религиозному принципу: он включает в себя несистемные политические мифологемы, описывающие разные расовые признаки, иную религиозную принадлежность и даже агрессивный атеизм. Эти образы характеризуются разной степенью случайности и являются, на наш взгляд, следствием действия защитных механизмов опять же в культурном мифе, а не в актуальном политическом аспекте. А вот такие смысловые конструкты, как «фашист», «укрофашист», «бандеровец», «правый сектор», «войска НАТО» вызывают у студентов единодушное и устойчивое отторжение: но и тут «ментальная реакция» молодых красноярцев оказалась сильнее потребности в критическом анализе конкретной политической ситуации.

Любопытно, что уровень персонализации политических смыслов (которая была так важна, например, в советском идеологическом мифе) у современной молодежи существенно снижается. Называемые студентами исторические личности – Петр I, Владимир Ленин, Иосиф Сталин, а также (у меньшего числа) Екатерина II, Александр II и Владимир Путин – в представлении респондентов не наделены реальным прошлым, личной жизнью и человеческими качествами. Это некие исторически не нагруженные знаки, функция которых в том, что они стояли (стоят) во главе государства в период радикальных изменений и имели (имеют) стремление вывести Россию на принципиально новую позицию в мире. Какова их политическая программа и в какой исторический период они осуществляли свою деятельность, молодые люди, как правило, не знают, да это им и неважно. За такой оценкой прослеживается прежде всего потребность студентов в современном сильном лидере, что большинство социологов считает устойчивой чертой общероссийской ментальности. Кроме того, все вышесказанное могло бы быть косвенным

подтверждением наличия потенциала революционизма в среде студенческой молодежи, если бы не довольно высокое эмоциональное неприятие ряда «правителей-революционеров» – например, Владимира Ленина, Иосифа Сталина, Бориса Ельцина. При этом ближе всех к образу «идеального политика» оказался Владимир Путин (57 %). Таким образом, противоречивость указанного политического выбора отражает противоречивый характер самой молодежной культуры: настроенная скептически студенческая молодежь осознает стремление политиков манипулировать общественным мнением; но тем не менее не только выбирает сильных лидеров (а значит, и стремится к переадресации ответственности за собственный политический выбор и решения), но и, несмотря ни на что, сохраняет веру в искренность, честность и доброту людей, которые находятся у власти.

В целом можно отметить, что «мозаично-эклетичная» студенческая культура, которая базируется на противоречивой и во многом неопределенной совокупности осознаваемых и неосознаваемых ценностей и установок, порождает и соответствующий ей дискретно-клиповый политический миф. Современный «парадоксальный молодой человек» [17] даже в условиях образовательного процесса и мировоззренческого поиска, как правило, не обретает (или не стремится обрести) личностную целостность и глубокие представления о мире, позволяющие сформировать устойчивую социокультурную и политическую позицию, а потому легко становится объектом манипуляции. Причем специфической манипуляции, утверждающей истину, что «запретный плод сладок». Да, студенты стоят ближе других групп молодежи к реальному политическому знанию, но, во-первых, в их сознании такое знание и культурные практики мифотворчества в области политики чаще всего сосуществуют раздельно. А во-вторых, высок уровень недоверия студенчества к «ангажированным» СМИ. Такой высокий уровень способности студенческой молодежи к распознаванию технологий, благодаря которым конструируется и функционирует ее собственный политический миф, мог бы быть важнейшим показателем ее политической (да и культурной) идентичности и субъектности. Но то, что в современных информационных войнах студенты исповедуют недоверие по большей части к российским СМИ и оказываются нечувствительны при распознавании манипуляций со стороны их западных аналогов, заставляет воздержаться от высокой оценки молодежной политической субъектности и предположить (исходя из уже приведенного утверждения В. С. Полосина), что политическая идентичность красноярского студенчества, в ее «направленности на национальный миф», далека от оформленности. Это подтверждается и следующим распределением

мнений опрошенных относительно информации, получаемой ими из внешних источников (в первую очередь, из Интернета и телевидения): согласны с информацией – 25,4 % респондентов, иногда согласны – 31,2 %, никогда не согласны – 4,4 %, не смогли определиться с мнением – 39 %. Традиционные культурно-политические стереотипы, как уже говорилось, в красноярской региональной студенческой культуре очень распространены: так, 67 % студентов согласились с утверждением, что «власть ворует везде и у нас в городе тоже». Между тем на вопрос «Как Вы оцениваете государственную власть в целом?» 65 % студентов ответили, что возлагают на нее большие надежды; 59 % считают, что все проблемы должно решать государство и в достижении своих целей они будут опираться на него, а не на себя; и только 35 % оценили государственную власть в целом негативно.

Увлеченные культурными практиками, будущей карьерой или самореализацией в виртуальной реальности, современные студенты свою невысокую социальную и политическую активность не рассматривают как проблему. Возможная мотивация их участия/неучастия в политических событиях достаточно разнообразна, мотивов и стимулов в этой части, объединяющих большинство студентов, исследование не выявило. 55 % респондентов не принимают активного участия в политической жизни, так как не считают это возможным или необходимым; 30 % не принимают активного участия, но хотели бы; 5 % заявили, что активное участие в политике противоречит их нравственным установкам. При этом возможность влиять на политику не вызывает большого интереса у красноярской студенческой молодежи, а 40 % опрошенных студентов согласились бы участвовать в политической демонстрации за особую плату. Таким образом, на наш взгляд, степень активного массового участия современного российского регионального студенчества в протестных политических акциях преувеличена в общественных представлениях. Это не значит, однако, что потенциал политического протеста и массового недовольства студентов отсутствует совсем: они вполне могут актуализироваться в определенной объективной или искусственно созданной ситуации, подогреваемой материальными стимулами или иллюзорной «политической самостью» молодых людей.

Важную роль в определении протестного потенциала играют базовые типы мировоззренческих установок. Факторный анализ показал, что в красноярской региональной студенческой культуре «смысловыми полюсами» выступают «космополитический миф» (планетарные и глобальные культурные смыслы, отрицание патриотических и консервативных ценностей, стремление к спонтанности мировосприятия) и «патриотический миф»

(идентичность, патернализм, экологизм, русская культура). С точки зрения ориентации на ведущую компоненту политического мифа и специфические молодежные ценности определились пять групп красноярских студентов: «чистые индивидуалисты» (17 %), «либеральные демократы» (18 %), «социальные оптимисты» (20 %), «приверженцы “особого пути” России» (24 %), «консерваторы и традиционалисты» (21 %). Причем первые две группы составляют, по преимуществу, коренные жители больших городов.

Вся эта довольно широкая палитра мнений, существующая в молодежном политическом дискурсе, не находит искомого разнообразия в реальной российской политической жизни. Более привлекательной по оригинальности и парадоксальности утверждений, критической активности и яркой событийности красноярским студентам представляется политическая партия «ЛДПР» – за нее сегодня проголосовали бы 54 % опрошенных. 10 % выбрали бы «Единую Россию», по 5 % – КПРФ и «Справедливую Россию», а 15 % поддерживают внесистемную оппозицию. Культурную опосредованность в отношении политического процесса в стране и даже известную отстраненность студентов от политики демонстрируют две цифры: 12 % респондентов вообще не пошли бы на выборы, а 40 % уверены, что их голос ничего не решит.

Выводы

Эмпирическое исследование в среде красноярского студенчества показало, что бытующие в студенческой культуре политические конструкты хоть и обеспечивают групповую интеграцию, но в целом показывают разнообразие политических представлений, характерное для стадии формирования политического мифа. «Мифологизм» политических представлений доказывается отсутствием четкой системы знаний опрошенных в отношении политической действительности, размытостью и неточностью бытующих в их сознании понятий: только 29 % от общего числа респондентов смогли дать более и менее адекватную характеристику политическим понятиям «демократия», «либерализм», «консерватизм», «социализм», «авторитаризм», «тоталитаризм», «толерантность».

Таким образом, можно утверждать, что большинство смысловых конструктов политического мифа красноярских студентов базируется не на их политических знаниях или представлениях о реальной политической ситуации и угрозах, а на архетипах и образах молодежной культуры, связанных с представлениями об отношении личности и власти (государства, общества, России), важнейшим вместилищем которых является молодежный дискурс. Этот дискурс характеризуется ценностной спецификой (в которой преобладает индивидуализм), оригинально-ассоциативным характером

суждений, алогизмом и мифологическим генетизмом, а также характерной для культурно-мифологического сознания «бинарной знаковой системой» описания мира. В последней помимо оппозиций «свой-чужой», «тоталитаризм-демократия», «открытость-закрытость», «успешность-отверженность», «защищенность-террор» сегодня актуализировалась оппозиция «США-Россия». Готовность молодых людей верить в «неангажированность» западных СМИ, не задумываясь, осуждать большинство российских реформ, возрастающая поддержка ими либерально-демократических преобразований по западному образцу (в большинстве случаев, без глубокого понимания их сути) говорит о значительной «проницаемости» студенческой культуры для внешних влияний, и, следовательно, о низком уровне критического мышления и политической субъектности.

Справедливости ради, необходимо отметить, что почва для подобного политического мифотворчества сейчас достаточно плодотворна: уже несколько десятилетий Россия переживает процесс активной трансформации культурных и политических ценностей и установок, начавшийся ломкой советской идеологической системы. Трудно ожидать, что тотальная «открытость» России 1990–2000-х гг. навстречу западным ценностям и политическим манипуляциям, следствием которой, в том числе, является вступление нашей страны в новое мировое технологическое пространство, не в состоянии оказывать «долгоиграющего» влияния на «поле» культурных смыслов России или будет преодолена в одночасье даже в условиях смены официального вектора на культурную идентификацию и политическую субъектность. Особенно сильным западное влияние оказалось в российской молодежной культуре, где новая технологическая реальность выступает не только как условие особого бытования культурных и политических смыслов, но и как активный агент их формирования. Можно утверждать, что красноярская региональная студенческая культура транслирует представление об «идеальном обществе» (открытом, свободном, всем доступном и успешном), как, образно говоря, о своего рода «реальном политическом Интернете». Как видим, новая технологическая реальность заявляет свои права на смысловое политическое пространство в молодежной культуре: она транслирует определенные образцы, которые имеют в молодежной среде потенциал желаемого воплощения в политической реальности, во многом задают нормативную культурную базу поколения «Z», согласно теории поколений У. Штрауса и Н. Хоува [18]. Мы находим в студенческой культуре Красноярска проявления своего рода инновационных (связанных с новыми цивилизационными аспектами жизни) культурных смыслов. При этом ситуация такова, что эти инновационные культурные смыслы оказываются довольно

тесно связанными с заимствованными инокультурными практиками и установками.

В связи с этим характерная для российской традиционной культуры ориентация на социокультурное производство смыслов у студентов сегодня оказалась вытеснена на второй план заимствованной на Западе в предшествующие годы ориентацией на социокультурное потребление смыслов. «Потребление, в той мере, в какой это слово вообще имеет смысл, есть деятельность систематического манипулирования знаками» [19, с. 214]. В силу этого особую роль в молодежной культуре играют средства массовой коммуникации, массовые инсталляции, перформансы и другие практики современного массового искусства, адекватные знаковой системе новой технологической реальности.

В этом процессе – как в России, так и на Западе, – с необходимостью происходит дальнейший поиск молодыми людьми новой культурной идентичности и формирование стиля жизни, характерного для новой технологической реальности. И этот поиск, как мы полагаем, наиболее активно ведет студенчество именно в силу своей «культурной двойственности» – демографической и интеллектуально-духовной. Естественно, что в условиях процесса культурной самоидентификации молодых людей важную роль в таком поиске играет интерес к «другой культуре» (западной, восточной, африканской и др.), ее известная романтизация и идеализация. Однако нами в ходе исследования неоднократно отмечено, что потребление и «культурная переработка» западных образцов и ценностей происходит у регионального студенчества в основном по законам традиционной российской ментальности (в большей степени – у выходцев из сельской местности, в меньшей – у коренных жителей мегаполиса). Заметим, например, что «потребительская ориентация» студенческой культуры еще более актуализирует в ней характерные для российских традиций патерналистские настроения, уход от активной социальной позиции, общую политическую пассивность и относительно невысокий уровень политической субъектности. Как показало исследование, красноярская студенческая культура обладает той же преимущественно «развлекательно-рекреативной и коммуникативной направленностью», а также «внеинституциональной культурной самореализацией», что и молодежь Москвы [8, с. 23].

Итоги предпринятого эмпирического исследования позволяют утверждать, что политические смыслы студенчества базируются главным образом на его культурном фундаменте, в котором бытуют и фрагменты традиционного российского культурного мифа, и смысловые заимствования из западной культуры и идеологии, и инновационные аспекты, диктуемые новой технологической реальностью. Все это дает возможность говорить, что мы имеем дело с молодежной культурой как полноценным

культурным феноменом, характеризующим новое поколение российских людей и являющимся по преимуществу базовым для формирования различных современных смысловых конструктов (в том числе и политических представлений и убеждений).

Список литературы

1. Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: экон. и социал. перемены. 2019. № 1 (149). С. 3–27.
2. Курганский К. С. Генезис и метаморфозы молодежной культуры: дис. ... канд. филос. наук. Белгород: БелГУ, 2006. 190 с.
3. Цаплина С. П., Скачков Д. Е., Ахремцева А. Д., Фокина А. В. Современные вызовы и угрозы самобытным народным культурам России // Социокультурные взаимодействия регионов приграничья: материалы междунар. круглого стола (30 нояб. 2016 г.). Смоленск, 2016. С. 127–131.
4. Малиновский Б. Миф в примитивной психологии. М.: Рефл-бук, 1998.
5. Завершинский К. Ф. Политический миф как предмет исследований современной культурсоциологии // Миф в истории, политике, культуре: сб. материалов II Междунар. науч. междисциплинар. конф. / под ред.: О. А. Габриеляна, А. В. Ставицкого, В. В. Хапаева, С. В. Юрченко. Севастополь, 2019. С. 252–254.
6. Стегний В. Н. Политические ориентации студенческой молодежи: типы, факторы, особенности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 2. С. 8–18.
7. Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культур. информ., 1997. 688 с.
8. Сергеев В. К. Молодежь Москвы: от культа силы – к культуре мира. Москва: РИЦ ИСПИ РАН, 2001. 45 с.
9. Богдановская И. М. Современные социальные мифы в сознании студенческой молодежи // Вестник гражданских инженеров. 2012. № 3 (32). С. 418–423.
10. Богдановская И. М. Психологические механизмы трансформаций традиционных мифологем в образе Родины у современной молодежи // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 142. С. 15–27.
11. Полосин В. С. Миф, религия, государство. М., 1998. 440 с.
12. Карлова О. А. Миф разумный. М., 2001. 205 с.
13. Мифы и мифология в современной России / под ред.: К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2000. 216 с.
14. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред.: А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалева. М., 2003. 448 с.
15. Мединский В. Мифы о России. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: Олма Медиа Групп, 2008. 560 с.
16. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
17. Вишневецкий Ю. Р., Шапко В. Т. Парадоксальный молодой человек // Социс. 2006. № 6. С. 26–36.

18. Howe N., Strauss W. Millennials & K-12 Schools. Great Falls, VA: LifeCourse Associates., 2008. P. 109–111.
19. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 168 с.

References

1. Omel'chenko E. L. Is the Russian case of the transformation of youth cultural practices unique? *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2019. № 1 (149), 3–27 (in Russ.).
2. Kurganskij K. S. Genesis and metamorphoses of youth culture: dis. on competition of sci. degree PhD in Philosophy. Belgorod: Belgorod State Univ., 2006. 190 (in Russ.).
3. Tsaplina S. P., Skachkov D. E., Akhremtseva A. D., Fokina A. V. Current challenges and threats to the original folk cultures of Russia. *Sociocultural interactions of the border regions: materials of the inter. round table* (Nov 30, 2016). Smolensk, 2016. 127–131 (in Russ.).
4. Malinovskij B. Myth in primitive psychology. Moscow: Refl-Buk, 1998 (in Russ.).
5. Zavershinskij K. F. Political myth as a subject of research of modern cultural sociology. *Myth in history, politics, culture: coll. of materials of the II Intern. sci. interdisciplinary conf.* / ed. by O. A. Gabrielyan, A. V. Stavitsky, V. V. Hapaev, S. V. Yurchenko. 2019. 252–254 (in Russ.).
6. Stegnij V. N. Political orientations of student youth: types, factors, features. *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Social and economic Sciences*. 2016. 2, 8–18 (in Russ.).
7. Lobok A. M. The anthropology of myth. Yekaterinburg: Bank of cultural inform., 1997. 688 (in Russ.).
8. Sergeev V. K. Moscow youth: from the cult of power to the culture of peace. M.: RITS ISPI RAS, 2001. 45 (in Russ.).
9. Bogdanovskaya I. M. Modern social myths in the minds of students. *Bulletin of civil engineers*. 2012. № 3 (32), 418–423 (in Russ.).
10. Bogdanovskaya I. M. Psychological mechanisms of transformations of traditional mythologies in the image of the Motherland among modern youth. *Izvestiya Herzen Russian State Pedagogical University*. 2011. 142, 15–27 (in Russ.).
11. Polosin V. S. The myth, the religion, the state. M., 1998. 440 (in Russ.).
12. Karlova O. A. The myth of the reasonable. M., 2001. 205 (in Russ.).
13. Ajmermaher K. (ed.), Bomsdorf F. (ed.), Boryugov G. (ed.). The myths and mythology of modern Russia. M., 2000. 216 (in Russ.).
14. Ryabov A. V. (ed.), Kurbangaleeva E. Sh. (ed.). Basic values of Russians: Social attitudes. Life strategy. Symbols. Myths. M., 2003. 448 (in Russ.).
15. Medinskij V. Myths about Russia. About Russian drunkenness, laziness and cruelty. M.: Olma Media Group, 2008. 560 (in Russ.).
16. Levi-Bryul' L. The Supernatural in primitive thinking. M.: Pedagogika-Press, 1994. 608 (in Russ.).
17. Vishnevskij Yu. P., Shapko V. T. Paradoxical young man. *Socis*. 2006. 6, 26–36 (in Russ.).
18. Howe N., Strauss W. Millennials & K-12 Schools. Great Falls, VA: LifeCourse Associates., 2008. 109–111.
19. Baudrillard J. The system of objects. M.: Rudomino, 1995. 168 (in Russ.).